

Гу Хуайли сначала спросил, закончил ли он занятия и есть ли рядом кто-то. Миньюй не почувствовал ничего необычного и даже с улыбкой поднял руку, чтобы поймать падающий снег. Затем он услышал, как Гу Хуайли безжизненным голосом спросил:

— Если у человека неизлечимая болезнь на поздней стадии, ты бы сказал ему об этом или скрыл?

Миньюй замер. Холодный воздух, ворвавшийся в его лёгкие, казался тяжёлым, словно весил тысячу цзиней. Его первой мыслью было: неужели отец болен?

Крайний страх заставил Миньюя остолбенеть. Он долго не мог вымолвить ни слова. Как раз в этот момент мимо проезжал одноклассник, который хлопнул его по плечу. Закончив с ним, Миньюй наконец смог собраться с мыслями.

Если Гу Хуайли задал такой вопрос, значит, больной — не он сам. Миньюй просто запаниковал, подумав о худшем.

Может, дедушка? Ему уже за семьдесят, но он всё ещё бодр, хотя и получает пенсию и помощь от детей, он не может сидеть без дела и до сих пор выращивает овощи, чтобы продавать их на рынке.

Или... дядя? Дядя Миньюя был молодым, но его здоровье было хуже, чем у Гу Хуайли. Его жена давно умерла, детей не было, и он никого не слушал, курил, пил и вёл разгульный образ жизни, словно совсем не ценил свою жизнь.

Миньюй подумал, что, скорее всего, это дядя, и отец так расстроен, потому что это его брат, к тому же ему всего за тридцать. Зная характер дяди, Миньюй был уверен, что тот не хотел бы, чтобы от него что-то скрывали, и потому ответил:

— Если бы это был я, я бы сказал ему. Никто не любит, когда от него что-то скрывают, особенно если это касается его жизни.

— К тому же, как только начнётся лечение, скрыть это будет невозможно. Лучше сказать сразу, чтобы он был морально готов.

Гу Хуайли на другом конце провода долго молчал, так долго, что Миньюй начал волноваться. Наконец он вздохнул и сказал:

— Понял.

Миньюй, боясь, что отец слишком расстроен, решил разрядить обстановку и, когда Гу Хуайли попрощался и собрался положить трубку, спросил:

— Папа, когда вы с мамой вернётесь?

Гу Хуайли сказал Миньюю, что они поехали в столицу провинции, а Сюй Ган уехал с друзьями в Гуандун. Эти дни Миньюй был дома один, и Чжоу Чэн уже чуть не разбил его окно своими камешками.

Гу Хуайли сначала молчал, но когда Миньюй начал жаловаться, что ему страшно одному, что он скучает по еде Ху Чжэнь, что панду некому выгуливать и что он скучает по ним, Гу Хуайли не выдержал. Со слезами на глазах и дрожащим голосом он сказал:

— Миньюй... Папа должен остаться с мамой в столице, чтобы лечить её. Ты сам позаботься о себе... На улице холодно, одевайся теплее, не простудись...

Услышав рыдания в трубке, Миньюй подумал, что ослышался. Каждое слово Гу Хуайли он понимал, но они не складывались в голове в единую картину. Слушая, как отец рыдает, Миньюй почувствовал, как его сердце сжимается от боли.

Холодный снег покрыл плечи Миньюя, а ледяной ветер вытягивал из него последнее тепло.

Он услышал, как его собственный голос, холодный и одревеневший, произнёс:

— Папа, сегодня не первое апреля.

Спокойная жизнь Миньюя в одно мгновение рухнула. На следующий день он взял отгул и сел на автобус до столицы провинции. Выйдя из автобуса, он тут же начал чихать от холодного ветра. Столица, расположенная рядом с болотами, была гораздо холоднее, чем дома. Снег уже прекратился, но ветер дул с такой силой, что казалось, он сметёт всё на своём пути.

Миньюй поймал такси. Водитель был разговорчивым, но, увидев его бледное лицо и услышав, что ему нужно в больницу, предпочёл молчать, сосредоточившись на дороге. Когда они прибыли на место, Миньюй расплатился и вышел, заметив, что водитель смотрел на него с сочувствием. Вторая больница была известным онкологическим центром в провинции, расположенным в центре города. Раньше Гу Хуайли брал машину, чтобы привезти его сюда за покупками к Новому году или за новой одеждой. Видя пациентов и их родственников с каменными лицами, полными скорби или отрешённости, Миньюй всегда испытывал жалость, но никогда не думал, что сам окажется среди них.

В больнице было много людей. Перед лифтом выстроилась длинная очередь: кто-то нёс фрукты для пациентов, кто-то в халатах с капельницами, кто-то с термосами. Несмотря на толпу, все молчали, их взгляды были пустыми, а воздух, наполненный запахом дезинфицирующих средств, казался неестественно тихим, до удушья. Миньюй не мог больше находиться здесь и, взвалив рюкзак на спину, побежал по лестнице на восьмой этаж.

Палата Ху Чжэнь была на двоих. Когда Миньюй подошёл, из неё вышла молодая женщина в

больничном халате. Увидев его, она удивилась.

— Ты пришёл к тёте Ху и дяде Гу?

— Да, они... — Миньюй сжал ремень рюкзака, голос застрял в горле.

— Дядя Гу повёз тётю Ху на обследование, скоро вернутся. Можешь зайти, посиди, заодно присмотри за моими вещами.

Женщине было чуть за тридцать, и она улыбалась, выглядев оптимистично. Миньюй кивнул и, проводив её взглядом, вошёл в палату.

Палата была чистой и уютной. У окна стояла кровать той женщины, на которой лежала большая кукла в рост человека, а на тумбочке аккуратно были разложены различные девичьи безделушки, создавая уютную атмосферу. Место Ху Чжэнь было внутри, там было теплее. На тумбочке стояла тарелка с лапшой, которую она едва успела попробовать. Миньюй сел на стул и задумался.

Вскоре вернулись Гу Хуайли и Ху Чжэнь. Услышав скрип двери, Миньюй обернулся и увидел, что Ху Чжэнь, бледная и измождённая, сидит в инвалидной коляске, которую катил Гу Хуайли.

Увидев Миньюя, Ху Чжэнь слабо улыбнулась. Она выглядела настолько слабой, что даже не могла поднять руку. Миньюй замер, затем бросился к ней, опустился на колени и взял её руку в свои.

— Мама...

— Миньюй, мой малыш, как я по тебе соскучилась.

Ху Чжэнь попыталась обнять Миньюя, но у неё не было сил даже на это. Миньюй и Гу Хуайли вместе уложили её на кровать. Когда пришла медсестра, чтобы поставить капельницу, Ху Чжэнь уснула, и отец с сыном вышли в коридор. Миньюй не выдержал и спросил:

— Как мама... Это же всего пару недель?

С момента их последней встречи прошло чуть больше двух недель, и тогда она выглядела вполне здоровой. Как она могла так быстро сдаться?

Гу Хуайли сначала молчал, затем тяжело вздохнул:

— Я только сейчас понял, как страх может сломить человека. Как смерть может быть такой страшной.

Родители Гу Хуайли умерли быстро, и он, учась и работая в другом городе, никогда не видел их

страданий.

Миньюй задержал дыхание. Если мама... из-за его совета...

Гу Хуайли, заметив его мысли, похлопал его по плечу:

— Это не твоя вина. Как ты и сказал, как только начнётся лечение, скрыть это будет невозможно. Это онкологическая больница...

Он горько усмехнулся:

— Твоей маме предстоит химиотерапия. Она не необразованная деревенская женщина, она знает, что это такое.

Даже с утешениями отца Миньюй чувствовал себя ужасно. Гу Хуайли, не желая, чтобы он винил себя, сменил тему:

— Врачи предложили два варианта: химиотерапия или операция. Но операция рискованная, дорогая, зато, если повезёт, после неё можно жить нормальной жизнью. А химиотерапия... Она убивает раковые клетки, но вместе с ними и здоровые... Я хочу уговорить маму сделать операцию.

— Но шансы на успех... — Миньюй не смог закончить, слова отца о низкой вероятности успеха напугали его. Он помолчал и спросил:

— Сколько стоит операция?

— Около четырёрхсот тысяч.

Гу Хуайли ответил. — У нас таких денег нет. Я уже связался с друзьями, чтобы узнать, сколько можно выручить за наш дом. Мы переехали туда в 2000 году, всего пять лет назад, но цены на недвижимость сильно выросли. Хотя район отдалённый, думаю, сможем выручить около трёхсот тысяч, а остальное я как-нибудь найду. Просто после продажи дома нам придётся снимать жильё.

Среди родственников Гу их семья считалась одной из самых обеспеченных, но четыреста тысяч в 2005 году были астрономической суммой. Гу Хуайли понимал, что занять такие деньги не получится, и потому решил продать дом.

<http://bllate.org/book/15446/1371521>